

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕН

РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

ДЛЯ

РУССКОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

ЧАСТЬ II

М — Θ

с Дополнениями

УДК 030
ББК 92
А 35

Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического А 35 словаря». В двух частях. Ч. II. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 942 с.

Настоящий том не может быть воспроизведен или использован на любых носителях и в любой форме посредством любых систем воспроизведения, копирования, записи, в том числе хранения и поиска информации без предварительного письменного разрешения издателя.

ISBN 5-7567-0297-0 (Азбучный указатель. Ч. II)
ISBN 5-7567-0064-1

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2003

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «Русского биографического словаря»

«Русский биографический словарь» (далее РБС) — событие первостепенное в истории отечественной культуры. Причем выдающееся значение этого грандиозного труда в наши дни представляется гораздо рельефнее, нежели то казалось его современникам, для которых он был одним из многих энциклопедических, справочных, библиографических изданий, которое должно было покрывать, с которым можно было конкурировать. Словарно-справочное дело в России переживало в начале XX в. свой «золотой век». Одна за другой выходили многотомные энциклопедии, как общие («Энциклопедический словарь» и «Новый энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, «Большая энциклопедия» под редакцией С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова, «Энциклопедический словарь» братьев Гранат, «Русская энциклопедия» под редакцией С. А. Адрианова и др.), так и специальные («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, «Военная энциклопедия» издательства И. Д. Сытина). Различаясь по объему, задачам, научному уровню, политическим убеждениям главных редакторов, они все, тем не менее, служили единому делу, внося свой вклад в многообразный комплекс русской справочной литературы.

Издания советского и постсоветского времени, несмотря на их многочисленность и разнообразие, далеко не в полной мере перекрывают громадный (свыше 20 тыс. статей!) информационный массив РБС. Поэтому, несмотря на почти уже столетний возраст, издание до

сих пор остается наиболее полным, а также фактически и библиографически насыщенным сводом биографий знаменитых и малоизвестных россиян. Поэтому давно была очевидна необходимость переиздания РБС, которое в течение 1991–2003 гг. было осуществлено издательством «Аспект Пресс». Причем ныне выпущены не только двадцать пять томов, опубликованных в 1896–1918 гг., но и пять оставшихся в рукописях¹ и два тома Указателя.

Первый (и, фактически, единственный) очерк истории РБС принадлежит авторскому коллективу самого словаря. Очерк этот составил особую главу исторического труда, посвященного деятельности Русского исторического общества (далее — РИО) и приуроченного к 50-летию его юбилею². В нем обстоятельно рассматривалась «внешняя» история создания РБС от зарождения идеи издания до момента выхода предпоследнего тома. Составители исторического обзора основывались почти исключительно на протоколах заседаний РИО. Финансовая сторона издания РБС, личности его инициаторов и руководителей, взаимоотношения в редакционной коллегии, полемика в прессе остались вне их внимания. Историки и библиографы советского времени оценивали РБС весьма критически, признавая в то же время, что к словарю постоянно приходится обращаться³. В изложении истории РБС они придерживались в основном фактической канвы юбилейного издания РИО. И. М. Кауфман привлек в своей работе неопублико-

ванные в то время письма Б. Л. Модзалевского к А. В. Смирнову с характеристикой руководства А. А. Половцова; А. Г. Фоминым были выявлены многочисленные (хотя и не все) журнальные рецензии на выход различных томов РБС. В наши дни история издания нашла отражение в небольшой статье М. П. Лепехина, посвященной роли вел. кн. Николая Михайловича в организации работы над словарем⁴. Им же были написаны вводные статьи к пяти впервые изданным томам, в которых достаточно полно отражена история работы над РБС в годы Первой мировой войны и революции, рассказано о судьбах его редакторов, об оставшихся втуне рукописях словаря. Значительный вклад в изучение истории издания внесла публикация переписки Б. Л. Модзалевского⁵ — вдохновителя, редактора и автора РБС на протяжении двадцати лет. Настоящая статья — попытка кратко обрисовать историю создания РБС в целом, во всех основных ее аспектах.

История эта охватывает временной промежуток без малого в полвека и, по основным событиям, может быть разделена на четыре этапа: 1) 70-е гг. XIX в. — 1896 г. (от зарождения идеи издания до выхода в свет первого тома); 2) 1896—1909 гг. (период издания РБС под руководством А. А. Половцова); 3) 1909—1918 гг. (период руководства проектом вел. кн. Николая Михайловича); 4) 1918—1920-е гг. XX в. (время распада авторского состава и прекращения издания РБС). Два поколения историков (сотни имен!) работали над этим уникальным трудом. Представляется немаловажным обрисовать общий ход работ над РБС, восприятие его современниками, а также фигуры главных участников этого труда, единственно благодаря которым он и стал возможен.

Первое официальное обсуждение вопроса о словаре состоялось на заседании Совета РИО 25 ноября 1875 г. В этот день член общества и известный генеалог, товарищ министра внутренних дел кн. А. Б. Лобанов-Ростовский сделал заявление о своевременности издания «Полного биографического словаря русских людей». Подобное предложение отнюдь не было неожиданным для присутствующих: именно для этого князь, не входивший в Совет общества, был специально приглашен на его заседание. Вопрос о таком издании, очевидно, давно уже занимал многих, и выступление Лобанова-Ростовского встретило всеобщее одобрение, как нечто само собой разумеющееся. Единственное замечание было высказано известным писателем и историком литературы Я. К. Гротом, который подчеркнул, что «для успеха такого предприятия нужен один главный руководитель и деятель, иначе предприятия подобного рода <...> обычно не доводятся до конца», и привел тому ряд примеров⁶.

Однако все попытки тут же найти такого «главного руководящего деятеля» оказались безуспешными. Почти каждый из членов РИО был занят на государственной службе, большинство не обладало достаточными средствами, поэтому взяться за долгий, тяжелый и к тому же явно требующий значительных личных затрат труд никто не отважился. Из лиц, не являвшихся членами общества, все называвшиеся кандидаты (М. И. Сухомлинов, Н. В. Гербель и др.) были, по разным причинам, отвергнуты. Тогда Совет постановил обратиться ко всем русским ученым с запросом, не согласится ли кто-либо из них посвятить себя всецело этому делу, а кн. Лобанову-Ростовскому поручил представить к весеннему общему собранию РИО подробный план предполагаемого словаря⁷.

Точно не известно, состоялось ли обращение к русским ученым. Скорее всего, с некоторыми из них А. Б. Лобанов-Ростовский все же советовался, и беседы эти имели отрицательный итог. Может быть, под их влиянием и была высказана им в годичном собрании РИО 5 марта 1876 г. мысль о том, что работа над биографическим словарем должна стать коллективной.

На том же заседании обществом была избрана особая комиссия для обсуждения плана издания, предложенного А. Б. Лобановым-Ростовским, во главе с самим князем. В нее вошли директор Императорской Публичной библиотеки А. Ф. Бычков, известный археограф и сенатор Н. В. Калачов, директор архивов Министерства иностранных дел К. К. Злобин и видный историк флота генерал-майор Ф. Ф. Веселаго.

Предложения Лобанова-Ростовского, обсужденные и доработанные образованной комиссией, были еще раз доложены им на годичном собрании РИО 17 марта 1877 г. В этом сообщении были впервые определены принципы, положенные впоследствии в основу издания РБС. Во-первых, было установлено, что словарь, как издание прежде всего справочное, должен содержать возможно больше имен деятелей, оставивших след в русской истории. Во-вторых, в статьях решено было помещать, «главным образом, верные факты и хронологические данные, с устранением всяких личных рассуждений и критических заключений», с обязательным указанием источников. В-третьих, комиссия сочла преждевременным на тот момент определять объем и формат будущего издания. И наконец, предлагалось избрать главного редактора и его помощников⁸.

Выработанный план, однако, делу помог мало. На общем собрании в 1877 г. кн. Лобанов-Ростовский оговорился, что комиссия признала «слиш-

ком затруднительным» составление биографического словаря в желаемых размерах. По-прежнему не находилось никого, кто решился бы возглавить авторский коллектив. В отчетах РИО за два последующих года о РБС даже не упоминается.

10 ноября 1878 г. скончался первый председатель общества кн. П. А. Вяземский. На его место годичным собранием 26 марта 1879 г. был избран 46-летний секретарь РИО Александр Александрович Половцов. Именно ему суждено было внести наибольший вклад в создание РБС. Энергия, работоспособность, широкие связи в высших сферах и огромное богатство позволили Половцову, с несколькими сотрудниками, подготовить, организовать и довести до половины этот грандиозный труд. О своем решении новый председатель объявил на следующем общем собрании членов РИО 17 марта 1880 г.: «Я возымел смелость личной своей инициативой предпринять дело, не раз уже коллегиально среди нас обсуждавшееся и, несмотря на всеми признанную пользу его, признававшееся доселе сопряженным с слишком большими затруднениями. Дело это — составление РБС»⁹.

Ближайшим помощником нового председателя стал член Археографической комиссии Г. Ф. Штендман, тогда же избранный секретарем общества. Именно ему пришлось почти в одиночку исполнять все подготовительные работы по словарю, вести обширную переписку, заниматься финансовыми и хозяйственными вопросами. Георгий Федорович Штендман (1836—1903)¹⁰, сын мещанина из лифляндского города Вольмара, в 1868 г. сдал кандидатский экзамен при историко-филологическом факультете Петербургского университета и поступил на службу в 1-й департамент Сената.

Одновременно он готовился к магистерскому экзамену и собирал материалы для диссертации о патриархе Никоне. Тогда же Георгий Федорович познакомился с А. А. Половцовым, в то время — его непосредственным начальником, обер-прокурором 1-го департамента Сената. Он убедил Штендмана отказаться от профессорской карьеры и стать его частным секретарем. С этого момента их пути уже не расходились. В 1875 г. Георгий Федорович был избран членом Археографической комиссии, а Половцов стал секретарем РИО и привлек Штендмана к работе в нем. В Обществе последний занимался, по большей части, разысканием, переводом и публикацией дипломатических документов XVIII в. (под его редакцией вышли 23 соответствующих «Сборника РИО»). Как историк, он проявлял интерес к источниковедческой, библиографической и справочной работе, для чего собрал хорошую научную библиотеку¹¹. В декабре 1886 г. Георгий Федорович был причислен к Государственной канцелярии (став, таким образом, непосредственным подчиненным государственного секретаря — опять-таки А. А. Половцова), с оставлением членом Археографической комиссии и назначением «для занятий» в Архив Государственного совета. Все эти должности он занимал вплоть до своей кончины. С Половцовым Штендмана связывала многолетняя дружба, до конца, однако, сохранявшая черты взаимоотношений подчиненного и патрона. Георгий Федорович жил в особняке Половцова на Большой Морской, преподавал его детям. Почтенного действительного статского советника и кавалера Александр Александрович за глаза называл «мой Штендман» и порою сетовал, что секретарь он «довольно плохой по неумению излагать мысли»¹².

Впрочем, последний вряд ли имел повод для жалоб: благодаря Половцову его карьера шла быстро и гладко. В 1886 г. он был произведен в гражданские генералы (всего на 18-м году службы!), в 1890-м получил орден св. Станислава 1-й степени, а еще через девять лет — св. Анны 1-й степени.

Совершенно очевидно, что в конце 1870-х гг. и А. А. Половцов, и его коллеги по РИО явно недооценивали сложность и масштабы предстоящей работы. Например, словник, который Половцов намеревался составить за год, был готов лишь через семь лет, а окончательный объем издания по меньшей мере в пять раз должен был превысить запланированный. Поначалу, однако, председателя РИО не смущали значительные издержки, связанные с выпуском явно неприбыльного издания. Женившись в 1861 г. на приемной дочери барона А. Л. Штигица Н. М. Июневой, Половцов получил большое приданое, а после смерти тещи в 1884 г. приобрел состояние приблизительно в 16–17 млн рублей¹³. По мере его таяния уменьшалось и издательское рвение Александра Александровича. К тому же по должности сенатора Половцов вряд ли был чрезвычайно занят на службе. Став в январе 1883 г. государственным секретарем, он уже не мог уделять подготовке РБС прежнего внимания.

Но с «мертвой точки» дело все же сдвинулось. Г. Ф. Штендман, с помощью известного генеалога и краеведа П. Н. Петрова, занялся подготовкой словника, названного впоследствии «Азбучным указателем имен русских деятелей для РБС». Сначала ими был выработан особый план подбора, в соответствии с которым в каталог русских замечательных деятелей следовало вносить имена по пяти основным разделам: 1) великие, удельные и прочие владетельные князья, все члены

царствующего дома; 2) гражданские и военные служащие; 3) особы женского пола; 4) церковные деятели; 5) представители мира науки и искусства. Каждый такой раздел включал несколько конкретных наименований.

Объем справки для «Азбучного указателя», за исключением особых случаев, не должен был превышать 250 букв. Кроме того, устанавливались единые библиографические и архивные сокращения, что способствовало экономии места и устранению разночтений в аббревиатурах¹⁴.

Для составления словника Г. Ф. Штендман и П. Н. Петров пересмотрели всевозможные справочные издания, летописи, словари, исторические сборники, журналы, отдельные биографии и даже надгробные надписи. Полученные сведения они выписывали на особые карточки по установленному формуляру. Помимо имени, фамилии и отчества, в нем указывались даты рождения и смерти, сведения об образовании (место и годы), начале службы, производстве в генеральский чин, последней награде, сочинениях и переводах, а также месте погребения.

В распоряжение РИО поступил ряд рукописей, использованных сначала при составлении «Азбучного указателя», а затем и некоторых статей РБС. Первым должно быть названо обширное собрание биографий сенаторов, принадлежавшее директору архива Правительствующего Сената П. И. Баранову. После его смерти в декабре 1884 г. коллекция была приобретена А. А. Половцовым у племянника покойного. Обширный материал, собранный Барановым, при жизни его почти не публиковался¹⁵. Затем А. И. Лером был передан в распоряжение общества словарь биографий русских женщин с древнейших времен до 1873 г. Рукопись объемом 680 страниц большого формата в переплете включала 1838 жизнеописаний.

Под каждым указывались источники (только печатные)¹⁶. Несомненно, труд Лера стал немаловажным подспорьем для редколлегии: «Азбучный указатель» включал более трех тысяч имен знаменитых женщин, РБС — более тысячи.

Кроме того, составителями словника были использованы: 1) собранные М. А. Гамазовым сведения о служащих Отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД; 2) списки чиновников и биографические данные о них на 1757 г., предоставленные обществу Н. В. Калачовым; 3) перечень послов из Московского государства в Священную Римскую империю со второй половины XV до начала XVIII в., составленный по изданным II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии дипломатическим документам; 4) краткий список русских дипломатов за 1801–1841 гг., хранившийся в канцелярии МИД¹⁷.

Медленность работы над «Азбучным указателем» побудила председателя РИО привлечь к ней еще нескольких сотрудников, как из числа членов самого общества, так и не входивших в него (Д. Ф. Кобеко, Д. И. Ефимова, А. А. Экземплярского и др.). Дело пошло быстрее, и в 1884 г. список лиц для словаря был готов. К началу 1887 г. была опубликована первая его часть, а в конце того же года — вторая. С двумя дополнениями «Азбучный указатель» включал свыше 50 тыс. имен.

В предисловии к изданию Г. Ф. Штендман указывал, что оно является лишь подготовительным материалом для РБС, в который войдут биографии далеко не всех упомянутых в указателе лиц. От имени РИО его секретарь выражал надежду, что «никто из любящих Россию и ее историю людей не откажет в сочувствии и содействии этому предприятию, не только указанием ошибок, недосмотров и прома-

хов в ныне печатаемом списке, но и сообщением сведений, долженствующих облегчить написание биографий, имеющих войти в биографический словарь». Совет РИО на заседании 16 декабря 1888 г. постановил разослать оба тома «Азбучного указателя» 117 учреждениям и лицам, с сопроводительными письмами А. А. Половцова. В них председатель просил, во-первых, указать замеченные ошибки и неточности, во-вторых, отметить имена тех деятелей, которые, по мнению респондентов, заслуживают внесения их в словарь, после чего возвратить оба тома как можно скорее¹⁸.

Предварительный характер «Азбучного указателя», вобравшего массу сырого материала из различных источников при минимальной редакторской обработке, предопределил и особенности этого издания. Например, в словник было внесено множество второстепенных духовных лиц — 360 Варлаамов, 355 Сергиев, 245 Герасимов и т.д. Разумеется, биографии подавляющего большинства из них в РБС не вошли.

Самостоятельное справочное значение «Азбучного указателя» несомненно. Количество имен из него, не вошедших в РБС, чуть ли не вдвое превышает число статей. Правда, диапазон сведений словника, за редким исключением, ограничивается сообщением дат жизни (если таковые имелись), чина и должности того или иного деятеля. Но данные эти, в большинстве своем, точны и нередко уникальны, так как извлечены из источников, не публиковавшихся ни до, ни после выхода издания. Во втором томе «Азбучного указателя» были помещены многочисленные поправки и дополнения к основному тексту.

Как в предварительный свод имен, так и впоследствии в РБС вносились лишь те лица, жизнь которых уже за-

кончилась. Однако хронологический предел все время отодвигался: так, например, в дополнениях ко второму тому «Азбучного указателя» были упомянуты деятели, скончавшиеся в 1884—1888 гг.¹⁹ Впоследствии было принято решение включать в словарь биографии лиц, скончавшихся до 31 декабря 1892 г., в результате чего «Азбучный указатель» не полностью исчерпывает содержание РБС.

К сожалению, рассылка «Азбучного указателя» принесла РИО минимальные результаты. Подавляющее большинство экземпляров не было даже возвращено. Обстоятельный отзыв прислал неутомимый гр. Д. А. Милютин, бывший военный министр. Особые записки с изложением собственных соображений по изданию представили директор Московского архива Министерства юстиции Н. А. Попов, секретарь Академии наук К. С. Веселовский и знаменитый издатель и журналист А. А. Краевский (через В. А. Бильбасова). Многочисленные дополнения и поправки поступили от тверского архиепископа Саввы, ректора Московской духовной академии епископа Христофора, историков В. А. Бильбасова, Г. К. Репинского, А. А. Титова, В. Г. Чубинского и др. Некоторые авторы прислали в редакцию свои биографические и библиографические труды. Всего же на призыв отозвалось около трех десятков историков и литературоведов²⁰.

Из журналов на появление двух томов «Азбучного указателя» откликнулся «Вестник Европы»²¹. Его рецензент отмечал, что потребность в издании, подобном РБС, назрела давно, что многие предшествующие труды не были завершены как раз из-за невыработанности общего плана издания. Высказывалось соображение, что малозначительные биографии, которые редакция предполагала исключить из будущего словаря, также могли бы

войти в него в виде кратких справок, если не в общий текст, то в приложение к нему. В заключение указывалось на «желательность соблюдения двух условий — во-первых, должен быть строго определен максимум объема отдельных биографий для наиболее важных исторических деятелей, который никак не должен быть переступаем из опасения нарушить размеры всего издания; во-вторых, изложение должно оставаться строго объективным, фактическим <...>». Подчеркивалась также необходимость пристатейной библиографии.

На заседании Совета РИО 26 ноября 1887 г. секретарь общества Г. Ф. Штендман объявил о завершении печатания «Азбучного указателя» и изложил предварительные соображения относительно размеров и стоимости будущего словаря. По его расчетам, РБС должен был состоять из шести основных томов и одного справочного, по 50–60 печатных листов каждый. В них предполагалось вместить до 3 тыс. биографий. Общие расходы на издание оценивались Георгием Федоровичем в 50 000 руб.

Со встречным предложением выступил Я. К. Грот. По его мнению, следовало ужесточить принципы отбора лиц для словаря и ограничиться тремя томами вместо шести. Справочный же он считал вообще излишним. На это А. А. Половцов заметил, что точный объем предполагаемого словаря вряд ли возможно установить заранее. Однако он выразил надежду, что издание не превысит 300 печатных листов в шести томах. В отношении же отбора лиц для РБС Половцов находил нужным разделить все содержащиеся в «Азбучном указателе» имена на четыре разряда: первостепенные, второстепенные, менее значительные и не входящие в словарь. С этим предложением Совет согласился и поручил Г. Ф. Штендману произвести выбор

биографий для справочника и расчеты относительно количества жизнеописаний разных размеров²².

Выкладок этих секретарь так и не представил. Однако они касались по большей части финансовой стороны издания, и Совет не стал настаивать, предоставив А. А. Половцову полную свободу действий. На заседании Совета общества 16 декабря 1888 г. Г. Ф. Штендман объявил окончательный объем РБС — шесть томов по 50 печатных листов каждый. На заседании Совета РИО 4 апреля 1889 г. секретарем были зачитаны список лиц, выразивших желание сотрудничать в словаре, и проект особого «Руководства для составления биографических статей». Совет постановил напечатать «Руководство» и разослать будущим авторам.

Документ этот представляет немалый интерес²³. Он дает нам возможность судить об уровне методологической подготовленности главных создателей РБС, о понимании ими предстоявшей задачи. Прежде всего, следует отметить, что статьи словаря, разделенные по трем разрядам, должны были отличаться друг от друга не только по объему, но и качественно. Предполагалось, что наиважнейшие биографии «будут раздаваться для написания специалистам, составившим известность по той или иной отрасли науки». А. А. Половцов стремился привлечь к сотрудничеству в своем детище виднейших историков, литературоведов, знатоков искусства. Отбор авторов был самый строгий — кандидатов у председателя РИО, по-видимому, хватало. Но издание в конце концов скорее проиграло от «погони за титулами». Биографии императоров, написанные Н. К. Шильдером, С. С. Татищевым, Е. С. Шумигорским, представляли собой, скорее, предварительные наброски их будущих монографий, чем справочные статьи. Подготовка та-

ких обширных жизнеописаний занимала у авторов слишком много времени и задерживала выход томов. В результате некоторые так и не вышли.

Статьи третьего разряда — наименьшие — должны были «изготавливаться» самой редакцией путем компиляции уже имеющихся в литературе сведений. Такое решение было принято, очевидно, из соображения экономии места и средств. Кроме того, словарь первоначально задумывался только как вспомогательный указатель для научных исследований. Поэтому, с точки зрения создателей РБС, значительный корпус кратких компилятивных биографий вполне соответствовал поставленной задаче.

Статьи второго разряда (приблизительный объем — от 20 до 100 строк в два столбца) посвящались деятелям, чьи биографии появлялись в печати впервые. По решению редакции их основу должны были составить архивные и рукописные материалы. В «Руководстве» подчеркивалось, что в биографических статьях второго разряда следует указывать все существенные стороны деятельности лица: для литераторов — их сочинения, с датами выхода в свет, для военных — личные подвиги в сражениях, боевые отличия и т. д. С другой стороны, рекомендовалось избегать ненужных подробностей в описании чиновничьего производства и наград, если сам по себе факт получения чина или ордена ничего не прибавлял к характеристике человека.

Авторам статей всех разрядов предлагалось обратить особое внимание на хронологическую часть, а именно — на даты рождения и смерти лиц, а также событий, в которых они участвовали. Каждое жизнеописание должно было сопровождаться библиографией. При статьях же второго разряда рекомендовалось помещать еще и подробное описание использованных ар-

хивных материалов, с указанием места хранения и инвентарного номера. В заключение редакция сообщала, что «сохраняет за собой безусловное право: сокращать текст всех представляемых ей статей сообразно своим общим, не подлежащим обсуждению составителям биографий соображениям <...>». Последнее правило действовало на протяжении всего времени выпуска РБС, причем делаемые сокращения с авторами не обсуждались и не согласовывались²⁴.

С изданием «Руководства для составления биографических статей» началась и целенаправленная работа по написанию самих биографий. По персональному ходатайству А. А. Половцова уполномоченные обществом лица были допущены в ведомственные архивы, включая архив Собственной Е. И. В. канцелярии, для изучения личных документов чиновников, в основном — формулярных и послужных списков. Большую помощь в поиске необходимых архивных материалов оказали внештатные сотрудники. Так, Г. К. Репинский предоставил в распоряжение редакции около 150 послужных списков из архива Правительствующего Сената, А. Н. Львов — материалы из архива Синода, И. Ф. Горбунов — из архива Дирекции императорских театров.

Постепенно выяснилось, что Г. Ф. Штендман не справляется со всем объемом работ. Тогда председатель РИО предложил разделить все технические обязанности по изданию между тремя ответственными редакторами: Г. Ф. Штендманом, Н. Д. Чечулиным и Н. П. Собко. За собой он сохранял «главное наблюдение» и право окончательного решения по всем вопросам, касающимся словаря. Совет общества с предложением согласился. Впоследствии к трем указанным редакторам присоединились С. А. Адрианов, Ф. А. Вит-

берг, Б. Л. Модзалевский, Н. П. Павлов-Сильванский, С. В. Рождественский, В. В. Руммель, Е. С. Шумигорский и др.

На одном из заседаний Совета РИО в 1892 г. был установлен верхний хронологический предел для статей будущего справочника — 31 декабря 1892 г. Биографии лиц, скончавшихся позднее, за единичными исключениями, в словарь не попали.

Хотя материал для первого тома был к 1892 г. уже почти готов, выход его задержался еще на четыре года. Общий порядок подготовки начальных томов РБС был таков. После прочтения и одобрения статей А. А. Половцовым рукопись обсуждалась на общем собрании РИО, печатался сигнальный экземпляр, который затем представлялся на рассмотрение монарха. По собственным словам Александра Александровича, он «не считал себя вправе самостоятельно пропускать к печати жизнеописание лиц Царствующего Дома и в особенности близких Государю по родству»²⁵. Таким образом, например, очерки жизни Александра I и Александра II были поданы на высочайшее прочтение. Молодой же император Николай Александрович, отвлекаемый то семейными заботами, то государственными делами, то болезнью, возвратил корректурные листы не скоро, не сделав, как видно, никаких редакторских поправок. Обе биографии ему понравились, особенно шильдеровская, по его словам, «очень интересная и мастерски написанная»²⁶.

В начале лета 1896 г. первый том РБС («Аарон — Александр II») наконец-то увидел свет. Он был не очень удачно композиционно построен: 85% его объема занимали биографии двух императоров. Кроме них, в книгу вошло менее двух сотен статей — по столь незначительному количеству было зат-

руднительно оценить будущий 20-тысячный биографический свод. Затянувшийся выход первого тома заставлял усомниться в осуществимости всего предприятия: ведь между публикацией «Азбучного указателя» и началом издания прошло восемь лет. О том же свидетельствовал и объем первого тома: восемьсот страниц текста не вместили даже одной буквы алфавита.

Разумеется, столь крупное событие не могло минут внимания критиков. В основном все они признавали выдающееся значение начинающегося словаря и его важное место в историографии. В последнем отношении отклики были очень похожи. «Вестник Европы»: «Важность и великий интерес подобного издания, без сомнения, понятны каждому <...>. Необходимость биографического словаря давно ощутительна в нашей литературе <...>. Специального биографического труда у нас не было со времен знаменитого «Словаря достопамятных людей» Бантыш-Каменского <...>»²⁷. «Исторический вестник»: «Появление первого тома РБС составляет в нашей исторической литературе событие бесспорной важности. Со времен Бантыш-Каменского и его «Словаря достопамятных людей» в этой области у нас почти ничего не сделано <...>»²⁸.

В целом вполне благожелателен был отзыв «Вестника Европы». Его рецензент отмечал актуальность и вместе с тем сложность предпринятого издания, правильность его программы, высокое качество главных биографий и даже одобрял их размеры — «ввиду господствующего исторического значения этих лиц». Высказывалось, однако, мнение, что некоторые статьи, например об Аксаковых, могли бы быть пространные. Ошибкам и недосмотрам уделялся минимум внимания, причем выражалась уверенность, что «многое, без сомнения, будет замечено самими

авторами статей и исправлено в последующих томах или при новом издании»²⁹.

Другой характер носил очерк известного историка и журналиста Б. Б. Глинского в «Историческом вестнике», содержащий немало ядовитых реплик. «Надеюсь, — восклицал он, — что почтенная редакция не ждет от рецензентов и критиков исключительно дифирамбов и голословных похвал, но сумеет воспользоваться для последующих выпусков «Словаря» <...> сильными указаниями на недочеты, которые ей будут сделаны в интересах самого дела <...>»³⁰. После чего следовал длинный ряд замеченных им ошибок, действительных и мнимых. Глинский пространно сетовал на отсутствие в томе имен главного редактора и многих авторов, на произвольный размер биографий (излишний, по его мнению, в одних случаях и недостаточный — в других, например, об Аксаковых), написанных, по его мнению, по принципу «кто чем богат». Несколько верных по сути замечаний о библиографических справках в первом томе высказывались в явно обидной для редакции форме.

Еще негативнее был отзыв «Русского богатства»³¹, имевший еще и очевидный идеологический оттенок и начинавшийся с личных нападок на издателя: «Сознаемся откровенно в своем невежестве, мы в первый раз встречаем имя г. Половцова в качестве специалиста по русской истории <...>». О статьях С. С. Трубачева об Аксаковых (действительно, не самых удачных) говорилось: «Все они отличаются полнейшей бездарностью, а некоторые вдобавок еще страдают необузданным лиризмом казенного пошиба». Отмечалась скудость библиографии по сравнению с уже вышедшими к тому моменту томами «Критико-биографического словаря» С. А. Венгерова. Похва-

лы удостоилась только статья-монография Н. К. Шильдера об Александре I.

Критическое отношение к научному уровню руководителей редакции РБС существовало и среди самих участников проекта. В ноябре 1898 г. Б. Л. Модзалевский писал владимирскому библиографу и краеведу А. В. Смирнову: «Жалко, что такое хорошее необходимое дело, как издание биографического словаря, попало в руки ремесленников и стало не на ту высоту, на которую оно должно было бы стать»³².

В отношении размера биографий критика, безусловно, была обоснованной. Как уже говорилось выше, громадные биографии выдающихся лиц стали подлинным бичом РБС — если бы не они, издание, весьма возможно, успело бы завершиться к 1917 г. Работы Н. К. Шильдера, С. С. Татищева и многих других вскоре вышли отдельными, более полными изданиями, вследствие чего их обширные статьи в РБС потеряли свое значение.

Следует, однако, учитывать, что историографическая традиция создания биографических и библиографических словарей и энциклопедий, тем более коллективных, в конце XIX в. была еще очень невелика. Многие проблемы на практике решались впервые. Дополнительные сложности создавала позиция финансировавшего издание А. А. Половцова, бескомпромиссная и далеко не всегда конструктивная. К работе были привлечены многие десятки авторов, имевшие, особенно поначалу, весьма различный уровень научной подготовки. «Словарь ведется так неудовлетворительно в научном смысле, — писал Б. Л. Модзалевский А. В. Смирнову в октябре 1899 г., — сотрудников так много недобросовестных, что заполучить сотрудника добросовестного и вполне любящего дело — вдвое дороже. Вот почему я и настаи-

ваю на том, чтобы Вы приняли участие в работе»³³. Затем, все авторы равно не обладали правом голоса при редактировании своих статей и, соответственно, были материально заинтересованы писать как можно пространнее — с учетом предстоящих редакторских сокращений³⁴. Разумеется, в подобных условиях должного соотношения объема статей и равномерной их содержательности достигнуть было чрезвычайно трудно.

Вслед за первым, до кончины в 1909 г. инициатора и руководителя издания А. А. Половцова, вышло еще 12 томов: «Ибак — Ключарев» (1897), «Алексинский — Бестужев-Рюмин» (1900), «Фабер — Цявловский» (1901), «Павел, преподобный — Петр (Илейка)» (1902), «Кнаппе — Кюхельбекер» (1903), «Сабанеев — Смыслов» (1904), «Дабелов — Дядьковский» (1905), «Обезьянинов — Очкин» (1905), «Плавильщиков — Примо» (1905), «Чаадаев — Швитков» (1905), «Бетанкур — Бякстер» (1908), «Смеловский — Суворина» (1909). Еще один подготовленный «под наблюдением» председателя РИО том («Притвиц — Рейс») был издан уже после его смерти, в 1910 г. К этому времени стало очевидно, что РБС значительно превысит запланированные размеры: вышедшие в 1896–1910 гг. тома — приблизительно половина всего объема словаря — заключали в себе уже около 9500 страниц текста в две колонки. Соответственно выросли и затраты: 14 томов обошлись А. А. Половцову более чем в 150 тыс. рублей³⁵.

Критика по-прежнему не проходила мимо выпускаемых томов РБС. Постепенно, однако, она стала более деловой и менее пристрастной. «Исторический вестник», «Вестник Европы» и другие журналы время от времени высказывали свои соображения по поводу достоинств и недостатков как от-

дельных биографий и томов, так и всего предприятия в целом. Попытаемся коротко суммировать основные выводы рецензентов, а также отметить не упомянутые ими достоинства и недостатки «половцовского» РБС.

Во многих откликах резонно сетовалось, что выпуск словаря идет чрезвычайно медленно, указывалось на видимое отсутствие плана издания и единого редактора³⁶. Сам А. А. Половцов объяснял причину задержки довольно невнятно, говоря, что значительные трудности сопровождают «вообще издания подобного рода». По-видимому, основная причина все же заключалась в том, что председатель РИО лично читал в корректуре каждую статью, внося свои поправки и сокращения. Это, разумеется, затягивало работу.

Одним из наиболее существенных недостатков первых томов РБС оставалась неравноценность статей. «Есть много интересных биографий <...>, — писала о томе “Кнаппе — Кюхельбекер” “Русская мысль”, — зато попадают совершенно ученические работы»³⁷. В статьях о писателях не всегда перечислялись их основные сочинения. Один из рецензентов, П. Е. Щеголев, даже считал, что в словаре «на биографии исторических деятелей можно положиться, биографии же писателей не всегда надежны»³⁸. «Многие биографические очерки военных и гражданских чиновных лиц представляют не более, как воспроизведение их послужных и формулярных списков», — сетовал критик журнала «Мир божий» М. Н. Столяров³⁹. «“Русско-биографическому словарю” можно пожелать более скорого роста, хотя и с меньшими недостатками, чем до сего времени было, — писал Б. Л. Модзалевскому А. В. Смирнов в октябре 1901 г. — Ознакомляясь ближе с вышедшими томами, убеждаешься, что многое тут сделано спустя рукава, многие источ-

ники, даже всем известные, не использованы. А кажется, на него денег не жалеют, и можно бы вести дело повнимательнее»⁴⁰. В мае 1902 г., обсуждая с А. В. Смирновым первый изданный под своей редакцией том («Павел—Петр»), Б. Л. Модзалевский писал: «Я, конечно, лучше, чем кто другой, вижу его недочеты, но, с другой стороны, не могу не сознавать, что сделал для него неизмеримо больше, чем делают другие наши редакторы <...>. Уж одни мои библиографические материалы, которых у других моих коллег и в помине нет, дают мне возможность ориентироваться в статьях даже не по моей специальности и *более или менее* наблюдать за их доброкачественностью»⁴¹.

Неоднократно отмечалась рецензентами перегруженность РБС жизнеописаниями иностранцев⁴², не имевших отношения к русской истории, а также биографиями малозначительных лиц. «Решительно недоумеваем, чем замечательны такие личности, как <...> вотяк Байтуганов, доктор Барташевич, кларнетист Бер и многие другие, и по каким соображениям они удостоились попасть в словарь?» — писал главный редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский. По поводу одного из последующих томов он же недоумевал, для чего внесены в издание биографии ничем не выдающегося отставного генерал-майора Перхурова или рядового профессора Казанского университета Паули, «о котором его биограф говорит, что, “вероятно, незнакомство Паули с русским языком было одной из причин того, что в делах совета Казанского университета не сохранилось <...> ничего, характеризующего его личность <...>”. Если в словарь включены эти лица, то за что же обижены сотни отставных генерал-майоров, врачей, прокуроров и учителей математики, которые не менее их

достойны подобной чести?»⁴³ В основном, конечно, подобные статьи были инициированы самими их авторами, не умевшими соразмерить историческое значение своих героев с объемами словаря или просто желавшими увеличить собственный гонорар. В свою очередь, редакция РБС во главе с А. А. Половцовым, не имея ни опыта выпуска подобных изданий, ни строго установленных формальных принципов отбора персон, нередко шла у них на поводу. Кроме того, Половцов платил за статьи со сверстанного листа, вследствие чего редакторы были заинтересованы торопить авторов⁴⁴.

Бросалась в глаза и явная несоразмерность некоторых статей. С. Н. Шубинский отмечал, что во втором томе «бездарному фельдмаршалу С. Ф. Апраксину отведено 30 столбцов, неизвестно для чего наполненных подробнейшим описанием военных действий в 1757 г., тогда как графу Аракчееву отмерено 16 столбцов, а на биографию знаменитого екатерининского канцлера князя Безбородко уделено всего 12 столбцов»⁴⁵. Рецензент «Русской мысли» указывал, что одни из составителей «пишут слишком много и подробно, другие ограничиваются самыми общими и элементарными сведениями»⁴⁶. Наиболее аргументированно, на наш взгляд, высказался на этот счет И. А. Кубасов (будущий редактор РБС): «Мы отнюдь не склонны смотреть на статьи Словаря, как на детально разработанные монографии <...>, но и не желаем иметь в таком почтенном издании вместо биографий формулярные выписки <...>. Нам кажется неуместным со стороны авторов входить в большие подробности при объяснении фактов общеизвестных, пускаться в трактование о вещах и событиях, сведения о которых можно найти в любом учебнике; ненужным нам кажется и подробное изложение

событий и фактов, окружавших того или иного деятеля, но не имевших близкого отношения к самому деятелю, и пр. Эти подробности, могущие составить, быть может, и блестящие страницы в специальной монографии, нам кажутся излишними в «статье для Словаря». Другое дело, если автор располагает материалами, опровергающими или изменяющими раньше принятые даты из жизни того или другого деятеля, устанавливающими новые взгляды на ту или другую сторону его служения отечеству, вносящими новую характерную подробность в его жизнеописание <...>. Необходимо и беспристрастное и выразительное освещение фактов без лишних слов и ненужных подробностей»⁴⁷.

Немало нареканий вызывали библиографические справки. Отмечалась их разнокачественность: по-видимому, не всегда авторы были в полной мере знакомы с литературой о жизни того или иного лица. Нередки были пропуски, неточности, естественные, впрочем, в подобных изданиях.

Однако при всех критических замечаниях уважение современников к РБС неуклонно возрастало. Рецензенты отмечали высокий научный уровень многих статей, чрезвычайную полезность РБС в целом; указывали, что «обилие архивного материала, извлеченного из архивов всех Министерств, Сенатского, Синодального Главного Штаба и различных департаментов придает «Словарю» несомненную ценность»⁴⁸. В журналах замелькали слова благодарности А. А. Половцову и его сотрудникам («славное продолжение славного предприятия»), неточности и пробелы все чаще именовались мелочами, которые «нисколько не умаляют достоинств коллективного и добросовестного труда, положенного в издание РБС». По признанию С. Н. Шубинского, издание стало «настойной

книгой для всех занимающихся русской историей и литературой»⁴⁹. Впрочем, и сама редакция, как видно, прислушивалась к дельным замечаниям; ее работа стала строже, исчез не оправданный содержанием разноразный объем статей, сократилось число ошибок. Теперь уже отклики начинались, как правило, не с критических реплик, а с подробного перечисления лучших биографий очередного тома⁵⁰.

Это и закономерно: в РБС сотрудничали виднейшие ученые того времени — историки, литературоведы, искусствоведы, краеведы: С. А. Адрианов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. А. Витберг, В. С. Иконников, А. Ф. Кони, Д. А. Корсаков, И. А. Кубасов, Н. П. Лихачев, Л. Н. и П. М. Майковы, Б. Л. Модзалевский, В. В. Мусселиус, С. Ф. Огородников, Н. П. Павлов-Сильванский, С. Ф. Платонов, А. Н. Пыпин, С. В. Рождественский, В. В. Руммель, В. И. Саитов, С. М. Середонин, Н. П. Собко, С. С. Татищев, Н. Д. Чечулин, Н. К. Шильдер, Е. С. Шумигорский и многие другие, чьи имена и труды были хорошо известны современникам.

В коммерческом отношении издание было убыточным. При весьма высокой цене (10 рублей за книгу) и сравнительно большом тираже (1200–1260 экземпляров) каждый том словаря мог бы приносить 12–12,5 тыс. руб. ежегодного дохода при средней себестоимости 11 тыс. руб. в год. Однако спрос на издание был очень мал: сказывались как отвращение Половцова к рекламе, так и равнодушие читающей публики к сугубо научному и к тому же незавершенному труду. Несколько десятков экземпляров бесплатно рассылалось виднейшим ученым, государственным и общественным деятелям, членам РИО и в редакции нескольких периодических изданий⁵¹.

В очерке истории РБС нельзя, разумеется, обойти вниманием и личность

его вдохновителя — А. А. Половцова⁵². Окончив Училище правоведения, он без малого шестьдесят лет провел на службе в высших государственных учреждениях: сначала в Сенате, а затем в Государственном совете. Многолетнее пребывание в самом центре российского бюрократического мира наложило заметный отпечаток на его характер и личные качества. С одной стороны, современники отмечали в Половцове ум, разнообразные способности, большой административный талант. Именно последний, как нам кажется, и позволил ему, действительно не опубликовавшему в жизни ни одного научного труда, руководить изданием крупнейшего библиографического словаря.

С другой стороны, председатель РИО был человеком чрезвычайно честолюбивым, часто надменным, резким в суждениях и действиях⁵³. Половцов, как профессиональный чиновник, сам умел повиноваться и требовал того же от подчиненных, как на службе, так и в редакции словаря. Уверенный в собственном уме и компетентности (любимое осуждающее слово у него в дневнике — «глупый»), Александр Александрович постоянно вмешивался в работу редакторов. Где бы он ни находился, в Монте-Карло или в Санкт-Петербурге, каждая готовая к печати биография посылалась ему на просмотр, и Половцов неумолимо вычеркивал синим карандашом всё, чего не желал пропустить к печати⁵⁴. «Наш словарь» у него постепенно превращался в «мой», стиль руководства становился все авторитарнее. Письма Половцова редакторам РБС очень часто напоминали приказы. «Вы продолжаете пересылать мне неприкосновенным всякий многочисленный вздор, — отчитывал он Б. Л. Модзалевского в январе 1905 г., — возлагая на меня необходимость терять время, очищать Словарь от совершенно недо-

стойного его изложения фактов и рассуждений». Указания по редактированию присланных статей могли излагаться следующим образом: «Сбавить патетический тон, уменьшить число напыщенных прилагательных и наречий, уместных в газетных статьях, а никак не в нашем Словаре. Это соображение следует иметь в виду всем нашим сотрудникам»⁵⁵.

Неудивительно, что отношения между председателем РИО и его сотрудниками по РБС постепенно накалялись. В ноябре 1903 г. Б. Л. Модзалевский в письме к А. В. Смирнову возмущался: «Наш принципал Половцов — личность совершенно невозможная для деловых отношений: самодур, фанфарон и ломака, не понимающий дела, но желающий всегда показать, что и он не ногой сморкается. Он тормозит все дело своей верховной цензурой, портит статьи, сокращая их и заставляя переделывать и тем вынуждая переверстывать листы»⁵⁶. В октябре 1907 г. Модзалевский рассказывал А. В. Смирнову об истории своих, тогда уже окончательно испортившихся взаимоотношений с председателем РИО следующее: «Половцов, который предпринял издание “Словаря”, желал выслуживаться еще перед Александром III и в то время, когда был еще очень богат, теперь не имеет ни честолюбивых целей (обстоятельства изменились не в его пользу), ни свободных средств, и к изданию своему он постепенно охладевал, а за последние годы оно стало его просто тяготить. Он требовал от меня, чтобы я всячески сокращал издание, выбрасывал и урезывал статьи, но я не соглашался на это и всегда был в оппозиции, всячески — и правдами, и неправдами — отстаивая каждую статью и даже отдельные в них фразы. Так мы боролись уже в течение 5–6 лет и, наконец, окончательно надоели друг дру-

гу»⁵⁷. К моменту кончины председателя РИО напряжение внутри авторского коллектива достигло апогея. В мае 1909 г. Б. Л. Модзалевский писал А. В. Смирнову: «Словарь гибнет: Половцов окончательно выжил из ума, болеет и день ото дня становится сканднее; денег не дает или дает после многократных просьб, так что я вечный банкрот перед своими сотрудниками»⁵⁸. Представляется все же, что нарисованная Модзалевским картина — несколько односторонняя. Даже его корреспондент почувствовал это и возразил: «Конечно, крайне жаль, что “Русский Биографический Словарь” так туго подвигается вперед; но хорошо, что все же подвигается. Как хотите, все же заслуга Половцова немала — ведь он выпустил уже немало томов, стоивших ему, вероятно, очень недешево. Есть в словаре и крупные недостатки <...>, но недостатки далеко не преобладают»⁵⁹.

Причина скупости А. А. Половцова, как это видно из сказанного выше, была известна Модзалевскому. На протяжении последних 35 лет своей жизни Александр Александрович вел активную, но неудачную предпринимательскую деятельность, тратил огромные средства на Центральное училище технического рисования имени барона Штиглица (собранные им для промышленно-художественного музея при училище коллекции считались одними из лучших в России) и к концу жизни, по выражению графа С. Ю. Витте, «почти все состояние своей жены проспекулировал»⁶⁰. По-видимому, четверо детей Половцова имели все шансы остаться ни с чем, что, конечно, не могло не волновать их отца⁶¹.

Поэтому, не вдаваясь в рассуждения о мотивах, побудивших председателя РИО взяться за столь трудное и хлопотное дело и тридцать лет упорно вести его, заметим, что идеологичес-

кие, структурные, содержательные просчеты издания, людская неприязнь — все это ныне забывается при виде тридцати томов по большей части первоклассного фактического материала. Потому нельзя не испытывать и чувств восхищения и уважения к тем, кто, не жалея времени, сил и средств, вершил этот грандиозный труд. И далеко не последний среди них — статс-секретарь Е. И. В., действительный тайный советник и кавалер ордена св. Владимира 1-й степени, историк, искусствовед и меценат Александр Александрович Половцов.

24 сентября 1909 г. А. А. Половцов скончался. Все работы по РБС сразу же остановились, над изданием нависла угроза прекращения. «Будущее “Словаря” еще покрыто мраком неизвестности <...>, — писал в феврале 1910 г. А. В. Смирнову Б. Л. Модзалевский. — Пока ничего определенно нет, работы остановились по всем отделам»⁶².

18 января 1910 г. председателем РИО был избран вел. кн. Николай Михайлович. Последний был, несомненно, одним из виднейших отечественных историков начала XX в. Хорошо известны его труды об императоре Александре I, по истории Кавалергардского полка, многочисленные издания первоисточников под его редакцией⁶³. Под его руководством и на его личные средства были выпущены многотомное великолепное иконографическое издание русских портретов и ряд некрополей⁶⁴.

Первым, в связи со смертью А. А. Половцова, встал вопрос о дальнейшем финансировании работ. На заседании Совета РИО 27 января 1910 г. великий князь объявил, что император поручил ему предложить обществу разработать смету расходов, необходимых для завершения издания. Смета была быстро составлена и вскоре высочайше утверждена. В соответствии с ней

на выпуск РБС обществу ежегодно выделялось 15 тыс. руб. из сумм Кабинета Е. И. В. (то есть из личных средств Императорской фамилии). Из них стала оплачиваться авторская (сразу же по предоставлении статей) и редакторская работа⁶⁵.

Для упрочения материального положения издания новый председатель предпринял и другие меры. По его предложению было решено снизить цену на словарь до трех—пяти рублей за том, публиковать рекламные объявления в газете «Новое время», а также отпускать учебным заведениям и книжным магазинам оптовые партии со скидкой 30%. (Подобная схема распространения была апробирована при реализации «Московского некрополя» и других изданий великого князя.) Наследники А. А. Половцова безвозмездно передали обществу остатки предыдущих тиражей словаря и «Сборников РИО», которые также поступили в продажу. Спрос на эти издания по-прежнему был невелик, доход от их реализации не превышал 1–2 тыс. руб. в год. Тем не менее финансовое обеспечение РБС заметно улучшилось: появились остатки из отпускаемых сумм, особый капитал, приносящий проценты, ежегодный баланс стал неизменно положительным. Так, например, в 1915 г. доходы от издания и для него составили 42,5 тыс. руб., а расходы по нему — 22,7 тыс. руб. (из них 12 тыс. — на оплату работы редакторов и авторов)⁶⁶.

В этот раз личные качества нового председателя РИО благотворно повлияли на ход работы над РБС. Либерально настроенный, он предоставил своим сотрудникам полную свободу действий и мыслей, а сам сосредоточился на технической стороне издания. И состав редколлегии при вел. кн. Николае Михайловиче несколько изменился. В нее входили: В. Г. Дружи-

нин, И. А. Кубасов, М. Г. Курдюмов, В. В. Майков, Б. Л. Модзалевский, С. В. Рождественский, Н. Д. Чечулин, В. В. Шереметевский, Е. С. Шумигорский. Кроме того, два тома РБС вышли в Москве под редакцией Н. П. Чулкова, который руководил группой авторов-москвичей. Таким образом достигалась максимальная экономия времени и сил. «Русский Биографический Словарь», — удовлетворенно сообщал Б. Л. Модзалевский А. В. Смирнову в феврале 1911 г., — стал на прочное основание снова: ведет его новый Председатель Исторического Общества, не чета Половцову — вел. князь Николай Михайлович; он понимает толк в подобных изданиях и вполне разделяет ту точку зрения, на которой я всегда настаивал, увы, тщетно, что в таком «Словаре» надо давать преимущественно биографии людей малоизвестных, так как о крупных деятелях и так ведь можно найти сведения. В таком духе и предоставлено вести дело редакторам <...>⁶⁷.

Существенные перемены произошли и в авторском коллективе РБС. Основная масса статей поручалась редакторами небольшой и относительно стабильной группе профессиональных источниковедов и архивистов. Далеко не все из них были известны в ученом мире. Но исключительная компетентность позволяла им в самые сжатые сроки подготовить биографическую справку практически о любом деятеле в отечественной истории. Назовем имена некоторых из них. Это В. В. Бобынин, А. Гельвих, Б. Гласко, А. Ельницкий, К. Я. Здравомыслов, Д. А. и В. Д. Корсаковы, Н. А. Мурзанов, А. Никольский, А. В. Смирнов, Б. В. Титлинов, Н. Д. Финдейзен, В. Е. Чешихин, В. В. Шереметевский, А. В. Экземплярский и многие другие.

Изменился и сам словарь. В первую очередь это коснулось объема больших

статей, в частности, о царствовавших особах. Они стали заметно лаконичнее, что придало изданию более соответствующий его справочному назначению характер. Кроме того, решено было начать подготовку продолжения РБС и составить для этого, как и тридцать лет назад, именной список. В него намечалось вносить имена русских деятелей, скончавшихся в 1893–1902 гг. или пропущенных в уже вышедших томах словаря. Работа по составлению списка велась секретарем общества А. А. Гоздаво-Голомбиевским, а после его смерти в августе 1913 г. — его преемником по должности В. И. Саитовым. Они, как когда-то Г. Ф. Штендман и П. Н. Петров, просматривали всевозможные газеты, журналы и другие печатные материалы, выписывая из них биографические сведения о замечательных лицах в истории России. К 1915 г. таким образом было изучено до 60 периодических изданий.

В результате нововведений выпуск РБС ускорился: за семь лет руководства вел. кн. Николая Михайловича вышло еще 10 томов. Качество их по-прежнему оставалось высоким, как в отношении содержания, так и внешнего оформления. Даже в 1916 г., в отличие от подавляющего большинства изданий, словарь продолжал выходить в отличном полиграфическом исполнении.

Отчетливее проявились и некоторые давние недостатки РБС. Он по-прежнему содержал немало биографий лиц, имевших весьма отдаленное отношение к российской истории или не сыгравших в ней никакой существенной роли. Это было связано, на наш взгляд, с первоначальной идеей словаря как источника биографических справок для документов из «Сборников РИО». Критики видели в этом проявление «некоторой невыработанности общего плана издания». Кроме того, редакцию упрекали (В. Семенников)

в том, что «мало встречается в словаре сведений о жизни древнерусских деятелей, а центр тяжести биографического материала переносится к XIX и XVIII векам»⁶⁸. Иногда и критики попадали впросак. Один из них отыскал в томе «Притвиц — Рейс» «досадный пробел» — отсутствие статьи о Феофане Прокоповиче⁶⁹. Однако биография знаменитого сподвижника Петра, как лица духовного, должна была находиться (и находится) в томе на букву «фита», который вышел три года спустя. В основном, однако, рецензии на РБС стали положительно-регистрационными: дело велось быстро, профессионально и по давно выработанной системе⁷⁰.

Первая мировая война мало повлияла на ход работы над РБС. Вел. кн. Николай Михайлович с 1915 г. часто бывал на фронте и не имел возможности постоянно следить за изданием. Но отлаженный за десятки лет механизм продолжал работать и без его указаний. В 1916 г. петроградский и московский авторские коллективы выпустили по очередному тому, была опубликована юбилейная история РИО с описанием работы над РБС.

Лишь революция круто изменила судьбу издания и его участников. Правда, 25 апреля 1917 г. вел. кн. Николай Михайлович был переизбран председателем РИО и, таким образом, остался руководителем выпуска РБС. Но участь самого словаря явно становилась незавидной. Субсидировавшее его Министерство императорского двора было упразднено, а расходы по нему внесены в бюджет Государственного казначейства. Последнее, однако, средств обществу не отпускало. Ситуация становилась критической.

Тогда 2 октября 1917 г. РИО обратилось в Министерство народного просвещения с просьбой о выделении в следующем году ассигнований на из-

дание РБС и «Сборника» в прежних размерах (23 тыс. руб.). В отношении словаря ходатайство было удовлетворено. Решающую роль сыграли усилия товарища министра народного просвещения В. И. Вернадского, а также известного историка, академика А. С. Лаппо-Данилевского. Александр Сергеевич в своем письме к великому князю сообщал, что 15 тыс. руб. на издание будут в 1918 г. обществом получены⁷¹.

Работа продолжилась. В 1918 г. был издан еще один том («Романова—Рясовский»)⁷². Семеро редакторов разделили между собой все оставшиеся лакуны (на букву «В» — В. В. Шереметевский, «Г» — Н. П. Чулков, «Е» — кн. Н. В. Голицын, «М» — С. В. Рождественский, «Н» — И. А. Кубасов, «П» — Б. Л. Модзалевский, «Т—У» — В. В. Майков) и спешно вели издание к завершению. К началу 1919 г. все рукописи были почти готовы, а тома Шереметевского и Кубасова уже частично находились в верстке⁷³.

Но изданию так и не суждено было осуществиться до конца. Средства на него после 1918 г. более не отпускались⁷⁴. И новая власть все более бесцеремонно давала о себе знать. В феврале 1918 г. из принадлежавшей обществу квартиры на Миллионной, 19 был выселен его секретарь В. И. Саитов. Располагавшиеся там же библиотека с каталогом и архив РИО временно остались в прежнем помещении, запертые на ключ и опечатанные. В июле того же года их приказано было срочно вывезти, и когда секретарь вошел в комнату, то, по его словам, увидел, что «книги и рукописи <...> разбросаны, частью изорваны, частью исчезли бесследно; такая же участь постигла и каталог»⁷⁵.

Два года общество пыталось поддерживать свое существование и даже работать. В его распоряжении еще

находились книжный склад и удобное, просторное хранилище на третьем этаже дома № 36 по улице Миллионной. РИО вступило в Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений при Наркомпросе, пробовало организовать сбор денег для закупки продовольствия на Украине. Был составлен особый список всех членов, который в какой-то мере должен был предохранить их от обысков и арестов. Члены РИО не побоялись записать в него и явных «контрреволюционеров»: бывших министров иностранных дел А. П. Извольского и С. Д. Сазонова, председателя Государственного совета А. Н. Куломзина⁷⁶. Но уберечься удалось не всем. В разгар большевистского террора, в январе 1919 г. был расстрелян председатель общества, вел. кн. Николай Михайлович. Трагичны были судьбы и многих его сотрудников, редакторов и авторов РБС.

4 сентября 1920 г. на заседании общего собрания Российской Академии наук ее неприменный секретарь А. В. Шебалов доложил присутствующим решение членов РИО о закрытии общества и передаче им Академии всего своего имущества. Бывшие издатели просили довести до конца выпуск РБС (с продолжением его до 1900 г.) и возобновить публикацию «Сборника». Собрание постановило имущество принять, а для выяснения вопроса об изданиях общества образовать особую комиссию из академиков И. П. Бородин, Н. К. Никольского и С. Ф. Платонова.

Комиссия решила, что завершение РБС — дело важное, и поручила руководство всеми работами одному из прежних редакторов словаря Б. Л. Модзалевскому. Последний с помощью А. В. Шебалова начал переписку с редакторами РБС (Н. П. Чулковым, В. В. Шереметевским), чтобы узнать, в какой степени готовности

находятся тома, которые они редактировали.

Чулков отвечал, что большинство статей для его тома готово. Начатое же печатание сигнального экземпляра, сообщал он, было приостановлено за неимением биографии Н. В. Гоголя, предполагаемый автор которой В. В. Каллаш скончался. Шереметевский в письме от 25 января 1922 г. извещал, что 43 корректурных листа его тома («Вавила—Вильбоа») находятся на складе бывшей типографии И. Н. Кушнерева. «“Государственное издательство” предполагало выпустить этот том, — писал он, — но остановилось ввиду размеров суммы, требующейся на брошюровку, снабжение обложкой и перевозку этой книги, не рассчитывающейся на сбыт»⁷⁷.

На этом, собственно, история РБС и закончилась. Доклад Модзалевского Академии наук, если он и состоялся, остался без последствий. Сам Борис Львович, занимаясь проблемами освободительного движения в России, истории литературы, творчества А. С. Пушкина, тоже, как видно, потерял инте-

рес к словарю. Наконец, дух последнего уже явно не соответствовал наступившей эпохе.

Культурно-историческое значение РБС трудно переоценить. Ни до, ни после в отечественной биографике мы не встретим ничего, что могло бы сравниться с ним по объему фактического материала. Конечно, на 20 тысяч биографий приходится немало неточностей и ошибок, не все статьи написаны одинаково хорошо. Но вряд ли оправданно ныне дотошно выискивать эти пробелы и выставлять их на первый план. Ведь и создатели РБС не считали свой труд близким к завершению. С начала 1910-х гг., одновременно с выпуском очередных томов словаря, велась подготовка продолжения к нему за последнее десятилетие XIX в. Хочется верить, что рано или поздно эта работа будет возобновлена современными историками и будет создан новый отечественный биографический словарь, ни в чем не уступающий своему знаменитому предшественнику. А тридцать томов РБС навсегда останутся лучшим памятником его творцам.

Примечания

¹ Тома «Вавила—Витгенштейн» (2000), «Гоголь—Гюне» (1997), «Маак—Мятлева» (1999), «Николай I — Новиков» (1998), «Тобизен — Тургенев» (1999). Первый и последний из них (за исключением нескольких биографий) были также в 1991 г. репринтно опубликованы издательством Норма на Росса в Нью-Йорке по сохранившимся корректурным экземплярам.

² Императорское Русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С. 95—112. Общество было основано 23 мая 1866 г. группой государственных деятелей и ученых. В него входили: председатель, помощник председателя, секретарь,

почетные и действительные члены, а также зарубежные члены-корреспонденты. Для управления текущими делами избирался Совет. Общие собрания членов проходили ежегодно, обычно — в феврале—апреле. На них нередко присутствовали члены Императорской фамилии и сам царь.

³ *Фомин А. Г.* Путеводитель по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы: Системат. аннот. указ. рус. книг и журн. работ, напечатанных в 1736—1932 гг. Л., 1934. С. 205—207; *Кауфман И. М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1955. С. 14—24; *Горфейн Г. М.* Рус-

ский биографический словарь // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 336–337.

⁴ Лепехин М. П. Великий князь Николай Михайлович и издание «Русского биографического словаря» // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1991. С. 31–40.

⁵ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 г. Борис Львович Модзалевский: Материалы к научной биографии. СПб., 2001 (далее — Ежегодник).

⁶ Императорское Русское историческое общество. С. 96.

⁷ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 174. Л. 22–22 об.; Императорское Русское историческое общество. С. 96.

⁸ Императорское Русское историческое общество. С. 97.

⁹ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 175. Л. 26 об.–27; Императорское Русское историческое общество. С. 98. Формально А. А. Половцов не был главным редактором РБС — последний издавался лишь под его «наблюдением». По сути, однако, дело обстояло именно так.

¹⁰ Сведения о службе Г. Ф. Штендмана приводятся по его делу о службе в Государственной канцелярии (РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1288).

¹¹ Исторический вестник. 1903. № 6. С. 1164.

¹² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. 1883–1892. М., 1966. Т. 1. С. 293; Т. 2. С. 29, 263.

¹³ Там же. Т. 1. С. 287.

¹⁴ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–8.

¹⁵ Подробнее см.: Р<удаков> В. <Е.> П. И. Баранов // РБС. СПб., 1900. Т. 2. С. 485.

¹⁶ Рукопись эта сохранилась в фонде РИО в РГИА (Ф. 746. Оп. 1. Д. 216).

¹⁷ Императорское Русское историческое общество. С. 100.

¹⁸ Там же. С. 102.

¹⁹ Насколько можно судить, этот период хуже отражен в словнике и, соответственно, в РБС. (См., например, рец. Б. Городецкого на том «Фабер — Цявловский»: Исторический вестник. 1901. № 5. С. 784–787). Причина тому, на наш взгляд, заключается в том, что сведения о деятелях, скончавшихся в 1884–1888 гг., вносились в «Азбучный указатель» перед самым его выпуском, несколько наспех.

²⁰ Императорское Русское историческое общество. С. 103–104.

²¹ Вестник Европы. 1888. Кн. 6 (библиогр. листок); 1889. Кн. 7. С. 413–416.

²² Императорское Русское историческое общество. С. 104–106.

²³ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 188. Л. 34–34 об.

²⁴ В ноябре 1899 г. Б. Л. Модзалевский писал А. В. Смирнову, выразившему желание написать ряд статей для РБС: «Сведения желательно иметь

новые, но если таковых нет, то можно ограничиваться и уже известным, т. е. печатным» (Ежегодник. С. 42).

²⁵ Императорское Русское историческое общество. С. 110.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ Вестник Европы. 1896. № 6. С. 821–822.

²⁸ Глинский Б. Б. Новый биографический словарь // Исторический вестник. 1896. № 8. С. 498.

²⁹ Вестник Европы. 1896. № 6. С. 821–823.

³⁰ Глинский Б. Б. Новый биографический словарь. С. 498.

³¹ Русское богатство. 1896. № 12. С. 40–45 (2-я паг.).

³² Ежегодник. С. 24. В 1899 г. Модзалевский стал библиотекарем А. А. Половцова и был привлечен им к редакторской работе. Кроме того, Модзалевскому также было поручено «заведование» изданием в целом. «Дело это настолько важное и нужное, — писал он в ноябре того же года А. В. Смирнову, — что я отношусь к нему с живейшим участием; к тому же теперь стою к нему очень близко, так как Половцов, главный редактор (конечно, более с формальной стороны) и единственный издатель Словаря на время своего отсутствия поручил мне следить за ходом дела и сообщать ему о нем» (Ежегодник. С. 42). Модзалевский «заведовал» РБС до 1907 г., когда его отношения с Половцовым окончательно испортились, вследствие чего «заведование» перешло к Н. Д. Чечулину, по мнению Модзалевского, «самодуру» и «невежде» (Ежегодник. С. 132).

³³ Ежегодник. С. 42. В мае 1902 г. Модзалевский сообщал Смирнову, что дело движется плохо «у большинства редакторов, из-за отсутствия порядочных сотрудников чувствующих себя совершенно беспомощными» (Там же. С. 91–92).

³⁴ К тому же побуждал их и весьма значительный гонорар — 100 рублей за печатный лист.

³⁵ Императорское Русское историческое общество. С. 110.

³⁶ Исторический вестник. 1909. № 6. С. 1054; Русская мысль. 1904. № 7. С. 232 (2-я паг.).

³⁷ Русская мысль. 1903. № 6. С. 200 (3-я паг.). См. также: Там же. 1904. № 7. С. 232 (2-я паг.).

³⁸ Исторический вестник. 1903. № 5. С. 700.

³⁹ Мир божий. 1901. № 5. С. 90–91 (2-я паг.).

⁴⁰ Ежегодник. С. 82.

⁴¹ Там же. С. 91.

⁴² Исторический вестник. 1901. № 5. С. 748–787; Русская мысль. 1906. № 2. С. 41–43 (2-я паг.).

⁴³ Исторический вестник. 1900. № 5. С. 674; 1902. № 4. С. 297.

⁴⁴ «Я просмотрел 2-й том, — писал 31 мая 1900 г. А. В. Смирнов Б. Л. Модзалевскому, — и нахожу, что он составлен в некоторых частях неважно, местами даже поверхностно». Неделю

спустя Модзалевский отвечал: «Совершенно согласен, что этот том составлен очень поверхностно. <...> Дело в том, что редактор получает плату со сверстанного листа (50 р.) и, конечно, чем скорее он будет вести дело, тем скорее будет получать и деньги» (Ежегодник. С. 57–59).

⁴⁵ Исторический вестник. 1900. № 5. С. 674.

⁴⁶ Русская мысль. 1903. № 6. С. 200 (3-я паг.).

⁴⁷ Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 4. С. 429.

⁴⁸ Там же. 1901. Т. 2. Кн. 6. С. 160; 1902. Т. 3. Кн. 4. С. 430.

⁴⁹ Исторический вестник. 1904. № 3. С. 1112.

⁵⁰ См., например: Вестник Европы. 1898. № 6. С. 829–830; Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 322. Кн. 4. С. 498–500; Исторический вестник. 1906. № 2. С. 637–638; 1908. № 5. С. 736; 1909. № 6. С. 1054.

⁵¹ Список адресатов на 1909 г. см.: РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 176. Л. 160–161.

⁵² Биографические сведения о А. А. Половцове см.: *Зайончковский П. А.* Александр Александрович Половцов (Биографический очерк) // Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 5–18; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской Империи. 1802–1917. Главы высших и центральных учреждений: Библиограф. справ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 597–600.

⁵³ Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.: Л., 1927. С. 153–154.

⁵⁴ Уже после кончины А. А. Половцова Б. Л. Модзалевский небезосновательно жаловался А. В. Смирнову, что тот «выпускал статьи безо всякой системы и разбора (например, почетный опекун Пфель не прошел, так как Половцов знал его и считал “дураком”; иные профессора не прошли из-за того, что деятельность их была, по мнению Половцова, незначительна; тот был дурак, тот подлец и т. д.)» (Ежегодник. С. 143).

⁵⁵ Цит. по: *Родюкова М. В.* Письма Д. А. и В. Д. Корсаковых к Б. Л. Модзалевскому: <Вступит. ст.> // Ежегодник. С. 395.

⁵⁶ Ежегодник. С. 114. Модзалевский, как представляется, часто был излишне эмоционален и потому категоричен в высказываниях о председателе РИО. Позднее в письме Ф. А. Витбергу он говорил, что в 1903–1904 гг. с Половцовым «еще можно было иметь дело» (Ежегодник. С. 209).

⁵⁷ Там же. С. 132.

⁵⁸ Там же. С. 138.

⁵⁹ Там же. С. 139.

⁶⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М.: Л., 1960. Т. 1. С. 181.

⁶¹ См. об этом также воспоминания старшего сына А. А. Половцова Александра: *Половцов А. А.* Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118.

⁶² Ежегодник. С. 143.

⁶³ Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1914; Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901–1908. Т. 1–4 (совместно с С. А. Панчулидзевым); Дипломатические сношения между Россией и Францией по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. СПб., 1905–1914. Т. 1–7 и др.

⁶⁴ Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905–1909. Т. 1–5; Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. 1–3; Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4; Русский провинциальный некрополь. СПб., 1914. Т. 1; Русский некрополь в чужих краях. Пг., 1915. Вып. 1.

⁶⁵ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 231. Л. 27.

⁶⁶ Там же. Л. 103 об.–104.

⁶⁷ Ежегодник. С. 148.

⁶⁸ Исторический вестник. 1914. № 9. С. 1012. Иначе, однако, вряд ли могло быть. Любое средневековье (в т. ч. и русское) гораздо более безымянно, нежели новое время. Тысячи имен, которые донесли до нас памятники допетровской эпохи, не идут, конечно, ни в какое сравнение с сотнями тысяч, оставшихся от XVIII–XIX вв.

⁶⁹ Там же. 1911. № 2. С. 736.

⁷⁰ См., например: Исторический вестник. 1912. № 2. С. 753; № 5. С. 636; 1913. № 7. С. 315–317; 1915. № 11. С. 642–643; 1917. № 1. С. 226–228.

⁷¹ РГИА. Ф. 746. Оп. 1. Д. 177. Л. 17, 20, 20 об.; Д. 206. Л. 4.

⁷² Два года спустя на него даже появился отклик, правда, краткий и малосодержательный, принадлежавший известному историку литературы М. К. Лемке. Дух времени хорошо передает начало заметки: «Первый том, изданный уже Русским историческим обществом, без осквернения его названия эпитетом “Императорского” <...>» (Книга и революция. 1920. № 1. С. 31)

⁷³ Там же. Д. 206. Л. 2; Д. 203. Л. 43 об.

⁷⁴ На 01.01.1919 г. в распоряжении общества оставалась сумма в 33 187 руб. 90 коп. К 01.01.1920 г. она сократилась до 16 533 руб. 48 коп., а к 01.07.1920 г. — до 8002 руб. 48 коп. (Там же. Д. 202. Л. 2–3, 39–40, 42).

⁷⁵ Там же. Д. 203. Л. 70.

⁷⁶ Там же. Д. 204. Л. 6–11.

⁷⁷ Там же. Д. 206. Л. 5–9.

Д. Н. Шилов, Санкт-Петербург